

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОФЕССУРЫ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена характеристике основных подходов к решению проблемы синтеза личного и общественного начал, содержащихся в трудах либерально настроенных профессоров Томского университета начала XX в. Раскрывается предлагаемый ими механизм формирования и развития национального самосознания, адекватного либеральным принципам общественного устройства и вместе с тем основанного на уважительном отношении к историческим традициям и учете цивилизационной специфики России.

На рубеже XX-XXI вв. одной из важнейших проблем, решение которых способно обозначить вектор развития России в новом тысячелетии, стала проблема стыковки частных интересов с обязательным и универсально значимым общественным порядком. Ее актуализация была обусловлена появлением возможностей для проявления субъективной свободы следовать частному интересу и фактически одновременным распадом традиционных институциональных, социальных и нравственных регуляторов поведения и мышления индивида. Решение обозначенной проблемы сопряжено с ответом на вопрос, «во что и как должно трансформироваться частное лицо для возникновения самой возможности общественного порядка» [1]. При этом ключевая роль в разработке механизма согласования личного и общественного начал, по-видимому, должна принадлежать факторам культурно-духовного порядка, связанным с формированием нравственных убеждений, ценностных ориентации, мотивации взаимопонимания на всех уровнях интеграции общества.

Проблема возможности и осуществимости общественного порядка, основанием которого является индивидуальная свобода, занимала центральное место в философии и социально-политической теории отечественного либерализма в начале XX в. Безусловно, труды представителей этого направления общественной мысли, пытавшихся решать данную проблему с учетом социокультурной специфики России, не могут содержать готовых рецептов, приемлемых для использования в современной ситуации, поскольку последняя принципиально отличается от условий начала XX в. Однако обращение к интеллектуальному наследию либералов позволяет обозначить некие общие ориентиры в стыковке частных и общественных интересов, не утратившие своей актуальности и по сей день.

В начале XX в. обеспечение индивидуальной свободы рассматривалось российскими либералами как перспективная задача, имеющая первостепенное значение в качестве необходимой предпосылки общественного переустройства. С горечью вынуждены были они констатировать: «Свободы личности нет в русском обществе. Русские люди на каждом шагу встречают разнообразнейшие стеснения, ограничения, запрещения; они привыкли к этому порядку и боятся всего» [2. С. 81]. Очевидное несоответствие российских условий либеральным представлениям об идеальном общественном устройстве, предполагающем признание самоценности и приоритета человеческой личности, примат права над государством, выводило проблему реорганизации об-

щества за рамки простого совершенствования и упорядочения законодательства и диктовало необходимость ее постановки в более широком контексте. Обращая внимание на то, что несовершенство человеческой природы, недостатки социального и политического строя обуславливают поведение людей, противоречащее нормам положительного права и нарушающее субъективные права, либералы выдвигали задачу создания социальных, политических и юридических гарантий правопорядка. Приоритетное значение при этом придавалось социальным гарантиям.

Само понятие «социальные гарантии» трактовалось достаточно широко, включая в себя различные формы распределения экономических благ, механизм взаимоотношений социальных групп, степень распространения просвещения, господствующие религиозные и нравственные воззрения, общий характер народа (то, что на современном языке именуется менталитетом) и т.п. Значение этих социальных условий определялось их влиянием на формирование «господствующих в населении нравов», т.е. общественного мнения. В этой связи проблема создания социальных гарантий заключалась в обеспечении экономического, социокультурного, психологического фона, способного стать основой высокого уровня общественного самосознания, которое, в свою очередь, призвано было стать оплотом против всевозможных правонарушений, откуда бы таковые ни исходили [3. С. 597-598].

Важную роль в формировании социальных гарантий правопорядка либералы отводили факторам культурного порядка. Особое значение в числе этих факторов придавалось науке и образованию, развитию и распространению знаний. По убеждению профессора Томского университета, специалиста по проблемам философии права И.В. Михайловского, огромная часть социальных и политических бедствий, выпавших на долю России в XX в., объяснялась именно необразованностью в самом широком смысле, под которой он подразумевал абсолютное невежество и темноту масс, устрашающе низкий уровень образования учащихся средней и высшей школ и, наконец, безнадежную путаницу в умах большей части интеллигенции [3. С. 597-598]. Это убеждение разделяло большинство либералов.

Однако возможности выхода из «заколдованного круга культурной отсталости» по-разному осмыслились активистами-практиками и теоретиками либеральных партий. Для первых умственное развитие народа ассоциировалось, прежде всего, с политическим просвещением, и в этом отношении их позиция была близка позициям представителей радикальной интеллиген-

ции. Так, один из лидеров красноярских кадетов А. Саввиных средством широкого умственного развития народа считал митинги и лекции [4]. Теоретики же связывали культурный прогресс с развитием образования, опирающегося на прочную научную основу. Наука воспринималась при этом как своего рода маяк в области социальных исканий, как главный критерий дифференциации идеала и утопии, как противоядие крайнему радикализму, отрицавшему выработанные историей формы и допускавшему возможность мирового переустройства при помощи найденной формулы вопреки всем объективным факторам культуры [5. С. 8].

И все же умственное развитие не представлялось панацеей в деле культурного прогресса. Рационалистическая тенденция, проявлявшаяся в придании науке и образованию решающего значения в развитии культуры, оценивалась И.В. Михайловским как неизбежно обреченная односторонность. Будучи сторонником идеи равноценности разных факторов общественной жизни, он последовательно проводил ее и в постановке проблемы культурного прогресса. Поиски истины на этом пути были сопряжены для него с высшим синтезом различных факторов культуры - науки, умственного развития, эстетического, нравственного и др. Из этого ряда равноценных по своей роли факторов особо выделялся лишь религиозный, значение которого рассматривалось как превалирующее [6. С. 2, 6].

Религия признавалась И.В. Михайловским основной истинно-человеческой жизни, истинного прогресса, освобождения человека от демонов злобы, зависти, жадности, эгоизма, гордыни и др. Близость народа к осуществлению идеала всеобщего братства ставилась в прямую зависимость от развитости у него религиозного чувства в противовес низменным инстинктам, свойствам дикости, зверства и злобы. В таком контексте религия по существу приобретала значение фактора гуманистического просветления российской ментальности. Атеизм же как проявление духовной односторонности, по мнению И.В. Михайловского, резко снижал эффективность работы его представителей для культурного прогресса. Более того, присущая значительной части русской интеллигенции антирелигиозность, предполагающая отказ от веры в реальность абсолютно ценного, в космическое, сверхчеловеческое значение высших ценностей, в условиях глубокой укорененности религии в самом духе человека порождала фанатизм в исповедывании и осуществлении догматов низшего порядка, «маленького поля деятельности» [7. С. 24]. Бедствия России, крушение социального и государственного уклада жизни воспринимались как следствие поразительного падения религиозности, а в качестве перспективы в условиях прогрессирующего антирелигиозного отщепенства рисовалась окончательная гибель народа.

Рассматривая религию не только как залог правильной постановки дела умственного образования, но и в целом как фундамент прочного социального здания, И.В. Михайловский особо подчеркивал ее роль в специфических российских условиях. При этом аргументация значимости религиозной основы жизни, сводившаяся фактически к эмоциональному обоснованию неприемлемости абсолютного господства «холодного, не согретого порывами сердца» рационализма, позволяет

предположить, что религия для него по преимуществу ассоциировалась с духовными началами вообще.

Признание приоритета религии, духовности в противовес рационализму Запада, по-видимому, можно расценивать как проявление специфики российского менталитета - доминирования веры над разумом. Воплощением истинной веры при этом отечественным либералам, очевидно, должно было представляться православие. Однако от однозначного и прямолинейного выражения своих религиозных предпочтений они, как правило, воздерживались, руководствуясь, вероятно, стремлением дистанцироваться от апологетов теории «официальной народности», а равно и от идеализации самобытного начала России в славянофильской традиции. Кроме того, сдержанность в отношении оценок различных религиозных течений можно расценивать и как симптом толерантности либерализма, следовать принципам которой в сфере духовных верований было проще, чем в пылу политических баталий.

Опору для развития религиозного сознания либералы видели в традиционных религиозных воззрениях соотечественников, специфическими компонентами которых по сравнению с католичеством и протестантизмом являлись приоритет духовных, нравственных потребностей по отношению к материальным, гармонизация церковного и индивидуального начал на основе свободы и любви, апелляция к внутреннему чувству, к душе в поисках критериев истинности веры. Косвенным подтверждением могут служить размышления профессора кафедры церковного права Томского университета октябриста П.А. Прокошева о сущности религиозного кризиса в Западной Европе, связанного с возникновением модернистского религиозного течения. Симпатии профессора богословия к последнему очевидны, хотя и не выражались непосредственно.

Основные мотивы модернизма, которому предрекалось будущее, выглядели в интерпретации П.А. Прокошева вполне созвучными православия и в то же время неприемлемыми для католицизма и протестантизма. В противовес католицизму, предусматривающему безусловный авторитет папы в вопросах веры, нетерпимое отношение к самостоятельному человеческому мышлению, позитивизм грубочувственных представлений о Боге, о душе, о загробной жизни и т.д., модернисты выдвигали на первый план начала индивидуальной совести, исторический критицизм и широкую свободу критического исследования священного текста. Вместе с тем они не могли согласиться и с предполагавшейся протестантизмом заменой авторитета церкви авторитетом разума, господством философского рационализма. За разумом в модернизме признавалась лишь способность содействовать уяснению внутренних религиозных переживаний. Источником же религии объявлялись не научное убеждение, не опыт разума, а внутреннее чувство, внутренний опыт человеческой души, ищущей Бога [8].

Проповедь Бога, которого живущий по-божьи человек находит в глубине своей души, вместо Бога как отдаленного, умозрительно постигаемого монарха, сближала модернизм с православием. Поэтому позитивное отношение П.А. Прокошева к модернизму в известной степени можно рассматривать как проек-

цию его православных предпочтений на оценку религиозной ситуации в Западной Европе.

Опора на отечественные традиции, учет специфики российского менталитета в постановке задач развития религиозного сознания народа как социального фактора обеспечения правопорядка не означали, однако, абсолютного негативизма по отношению к европейским культурным традициям. Атмосфера высокой культуры, царившая в Европе, развитое чувство законности, сознание своих прав и вместе с тем обязанностей не могли не импонировать либералам. «Европеец прекрасно знает, что он обязан подчиняться не той или иной личности, ...а закону.... Отсюда такое высокое сознание собственного достоинства и уважение к личности. Отсюда и уважение к установившимся культурным формам общечеловеческого учреждения и традициям. А в результате получается то спокойное, бодрое настроение, которым проникнуты европейцы, та энергия, уверенность в себе, сознание, что существующий строй и правопорядок есть действительно нечто весьма прочное и надежное» [7. С. 24]. В этих словах И.В. Михайловского явственно ощущается одобрение, граничащее с восхищением. Вместе с тем он испытывал и глубокую горечь, вызванную осознанием наличия «дистанции огромного размера», разделяющей европейское общество и российское с его неуверенностью в завтрашнем дне, недоверием к правопорядку, халатностью, торопливостью, жизнью на авось и прочими «прелестями» [7]. Отсюда и его призывы «очеловечить Россию», «сделать ее равноправным членом в семье культурных народов», «создать ту почву, которая сейчас отсутствует и без которой невозможно прогрессивное развитие народа, а именно чувство законности, уважение к праву, к личности» [5. С. 17].

Однако не только эмоциональное положительное восприятие европейской действительности побуждало либералов рассматривать формирование и развитие общественного правосознания как необходимую предпосылку создания правового государственного порядка. Первостепенную роль играли все же рациональные посылы. Профессор Томского университета кадет М.И. Боголепов подчеркивал: «...правовое государство прежде всего опирается на определенное правосознание общества и в этом правосознании находит свое основание и устойчивость» [9].

Обосновывая значимость воспитания в обществе чувства законности, теми же соображениями руководствовался и И.В. Михайловский, писавший: «...уважение к закону, когда оно утверждается долгой практикой и входит в нравы, составляет самую надежную опору государственного строя». Формально-правовые установления в обществе при отсутствии развитого правосознания представлялись ему лишены смысла, не способными сколько-нибудь изменить реальное положение вещей. Главная задача, по его мнению, заключалась в наполнении формы (конституции) содержанием посредством борьбы «с самими собою» - «с невежеством, с дикими понятиями, разлитыми в обществе, с укоренившимся веками раболепством, с одной стороны, и с легкомысленным либерализмом, с другой» [10. С. 33]. И.В. Михайловский подчеркивал: «Никакие бумажные конституции, никакие законы не могут перевоспитать общество, веками воспитанное в атмосфере бесправия. Только сильно развитое чувст-

во законности, уважение к личности, уважение к праву создают крепкий, надежный фундамент государственного строя, и это настроение, господствующее в обществе, гораздо надежнее охраняет правопорядок, чем томы законов, бессильно стоящих на полках библиотек и присутственных мест» [7. С. 9].

Вообще, убежденность в необходимости социального воспитания, предполагавшего разнообразное и разностороннее воздействие на природу человека в целях укрепления идей правозаконности, человеческой солидарности, высокой ценности человеческой личности, святости и неприкосновенности человеческой жизни, которые должны были стать нормой общежития, объединяла либералов различных оттенков - и радикального, и консервативного. Профессор кафедры истории русского права Томского университета радикал-либерал И.А. Малиновский с неменьшим энтузиазмом, чем придерживавшийся принципов охранительного либерализма И.В. Михайловский, настаивал на необходимости подготовки человека к новому государственному и общественному строю при помощи мер социального воспитания. При этом он ссылался на содержащийся в книге В.М. Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни» социологический рецепт борьбы с преступностью, суть которого заключалась в прививке обществу антитоксического начала путем правовых жизненных норм [11. С. 141, 142, 145]. Принципиально отличало позицию радикал-либералов от позиции консервативных либералов в этом отношении лишь признание первыми настоятельной необходимости сочетания мер социального воспитания с коренными реформами политического и социального строя на основе свободы, права и социальной справедливости, в то время как их оппоненты были склонны рассматривать культурное развитие общества и, в частности, формирование его правосознания, прежде всего, как предпосылку либерального реформаторства.

Осмысление уроков первой российской революции обусловило политическую актуализацию либеральной идеи формирования правосознания в обществе. События 1905-1907 гг. сделали очевидной производность характерного для россиян крайнего радикализма от их «правовой дряблости», отсутствия ярко выраженного чувства законности, проявившихся в неподчинении закону, действиях «захватным правом», отождествлении отдельных носителей власти с правом и т.д. И опять же само собой напрашивалось сравнение (в духе противопоставления) с европейской социокультурной реальностью. И.В. Михайловский отмечал: «Европейцы, даже из наиболее живых, впечатлительных и экспансивных наций, никогда по общему правилу не могут так подчиниться новым идеям, чтобы сразу отбросить как ненужный и вредный хлам несогласные с ними вековые учреждения и традиции. Они чувствуют, что в этом наследии веков всегда хранятся элементы истины. Между тем у нас каждая новая идея сразу овладевает умами и сердцами до такой степени, что все, несогласное с ней, отвергается, адепты новой идеи готовы сейчас же коренным образом перестроить весь мир по рецепту модной идеи. Об уважении к мнениям противников, об уважении к вековым традициям нет и речи! Все это едва ли свидетельствует о высокой культуре» [7. С. 9].

Формирование уважительного отношения к прошлому, к историческим традициям рассматривалось либералами как важный компонент национального правового воспитания. Признавая, что партийная «обработка» населения, как и насаждение полицейского национализма, дает прискорбные всходы, если сталкивается с «людской пылью», безликой массой, профессор кафедры полицейского права Н.Я. Новомбергский считал, что разумного и твердого противодействия им можно ожидать лишь со стороны граждан, осознавших великое прошлое Отечества и великие задачи, еще предстоящие ему во всемирной истории. Большие надежды в формировании национального сознания он возлагал на юридические факультеты российских университетов, где проходили подготовку представители административной и судебной службы, многих свободных профессий. Подчеркивая важность правильной организации преподавания истории русского права для национального воспитания, Н.Я. Новомбергский предлагал создать в Москве профессорский институт (предназначавшиеся ему функции вызывают ассоциации с современными институтами повышения квалификации преподавательских кадров. - О.Х.), не останавливаясь перед расходами, поскольку это будет расход «на сооружение кафедрального храма русского национального сознания» [12. С. 9]. Исключительную роль в воспитании у россиян чувства законности и, соответственно, в обеспечении достойной будущности России отводил юристам и И.В. Михайловский [7. С. 9].

Здравая оценка реального уровня культуры в стране приводила к осознанию глубины пропасти, отделявшей российское общество от стандартов общества гражданского. Либералы чутко фиксировали симптомы отставания России от Западной Европы в этом отношении: отсутствие уважения к закону во всех слоях русского общества, самоуправство и произвол со стороны власти, порождавшие замену чувства законности верой во всемогущество барина-начальника, постоянные нарушения предписаний закона и т.п. Драматизм ситуации, по их мнению, усугублялся тем, что атрофия чувства законности имела глубокие корни в самих устоях общественной жизни. Реформы 60-70-х гг. XIX в., будучи противоречивыми и непоследовательными, не смогли изменить эти устои. Сохранение зависимости крестьян от общины, от податного и паспортного закрепощения, контрреформистские по сути изменения в Земском и Городовом положениях 90-х гг., частичные изменения судебных уставов, введение института земских начальников, сохранение цензурного гнета, телесных наказаний и пр. - все это в совокупности способствовало, по словам И.А. Малиновского, поддержанию тех понятий, взглядов, привычек и нравов, которые обрелись во времена крепостного права [2. С. 11].

Тем не менее, либералы с оптимизмом смотрели в будущее. Их уверенность в конечном успехе формирования национального сознания на принципах законности, уважения к праву, к личности питалась исторической памятью о традициях и богатых возможностях русского народа, отраженных в юридических памятниках («Русской правде», Псковской и Новгородской судных грамотах), «где выразилось такое здоровое, цельное правовое чувство»; в памятниках

народного искусства, народной песне, во многих фактах и событиях русской жизни. И.В. Михайловский писал: «...страна, давшая человечеству Глинку, Чайковского, Васнецова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Менделеева, Мечникова, Чичерина, ... имеет перед собой будущее, для такой страны стоит работать» [5. С. 16, 17].

Дополнительным основанием для положительной оценки либералами перспектив приобщения россиян к цивилизованному гражданскому обществу посредством культивирования чувства законности служили наметившиеся на рубеже XIX-XX вв. тенденции трансформации народного правосознания. Фиксируя противоречивость русской общественной жизни, И.А. Малиновский отмечал присутствие в ней двух течений: «Молодая раскрепощенная Россия уже начала свое бытие и сделала первые нетвердые шаги; но еще доживает последние дни старая крепостная Россия, она употребляет отчаянные усилия, чтобы продлить свое существование ... и ревниво оберегает приобретенные права» [2. С. 12].

Эта противоречивость не могла остаться без влияния на народное правосознание, которое также обрело некое переходное состояние. Анализ наметившихся сдвигов давал богатую пищу для размышлений. Сущность новых тенденций, обозначившихся в 90-е гг. XIX в. как реакция на «начавшееся разложение в самих недрах народной жизни», Н.Я. Новомбергский определял таким образом: «Правосознание народное, всегда чуткое к температуре окружающей среды, постепенно начинает отражать в себе криворост крестьянской мысли, расшатанной жизнью в казарме, городе, на фабрике и различных отхожих промыслах. Крестьянство, затронутое толками об общих гражданских правах, теряет мало-помалу патриархальную веру в совесть мира и ищет спасения в определениях писанного права, идет к мировому, апеллирует к земскому начальнику» [13. С. XIII].

Признавая необратимость процесса замены обычного права законом в силу действия общих закономерностей формирования гражданского общества, либералы, однако, не считали возможным пытаться придать ему ускоренный характер за счет субъективных усилий. Напротив, исходя из принципа постепенности общественного развития, они стремились не допустить его форсирования при отсутствии соответствующих объективных условий. Поэтому, при всей важности общих законодательных норм для воспитания у масс чувства законности и охраны правопорядка, без которого немислима государственная прочность, радикальный разрыв с нормами обычного права представлялся совершенно неприемлемым. Н.Я. Новомбергский подчеркивал: «Непризнание обычая в вопросах, возникающих между обществами, отдельными крестьянами и между первыми и последними на почве общинного пользования землей и кругового отбывания повинностей ... равносильно будет ... расстройству крестьянской жизни до тех пор, пока личность крестьянина в силу полицейских и финансовых соображений подавлена властью двора, общества, прикрепленна к земле, ограничена в правах передвижения, собственности и т.п.» [13. С. XV]. И эту убежденность в недопустимости насилия по отношению к

народной совести со стороны абстрактных норм писанного закона не могли поколебать ни обращения отдельных крестьян, переросших незатейливую волостную юстицию, с просьбами о разбирательстве их дел на основании общих законов, ни то обстоятельство, что волостной суд зачастую принимал решения, противоречащие переходному настроению крестьянства и нацеленные на движение вспять - к обычаю. «Обновление народа должно начаться не в горниле индивидуалистического писанного права, - утверждал Н.Я. Новомбергский, - а при свете торжества общинно-трудового начала, очищенного от всех наслоений невежества и жестокости.» Твердо придерживаясь представления о недопустимости пренебрежения коллективным разумом и вековым опытом народа, он готов был «ради целого жертвовать частью», т.е. в условиях сохранения законодателем семейно-хозяйственной организации как базиса народного суда «интересы отдельных личностей принести на алтарь неприкосновенности охраняемого законом замкнутого состояния сельских обывателей» [13. С. XIX].

Такое признание весьма симптоматично для российского либерализма. Черпая изначально идеи из европейских источников, он вызрел на почве естественно-исторической необходимости развития собственной страны. Возникновение либерализма в России не являлось простой «пересадкой» ценностей иного типа цивилизации [13]. То обстоятельство, что русский образец государства, воплощенный в крепостничестве, гораздо более резко противоречил либеральным принципам, чем западно-европейское государство, в области как политического, так и общественного устройства, чрезвычайно остро ставило перед отечественным либерализмом задачу адаптации к почвенным условиям. Начиная с Екатерины II, ставшей первым пропагандистом либеральных идей в России, их адепты в большинстве своем руководствовались стремлением согласовать новое законодательство и гражданский порядок в целом с характером народа, его обычаями, привычным ему, созданным жизненной действительностью правом. Учет обусловленной уникальностью геополитической ситуации предрасположенности россиян к стабильности, прочности стереотипов их мышления предопределил сильное охранительное начало в традициях отечественного либерализма. В качестве частного его проявления и следует рассматривать готовность Н.Я. Новомбергского вопреки классической парадигме либерализма пренебречь принципами индивидуализма, интересами отдельных личностей во имя уважительного отношения к вековому опыту народа и исторически возникшим общинным связям.

В приведенных рассуждениях Н.Я. Новомбергского можно уловить и некую региональную специфику либерального мировоззрения. Крупнейший теоретик либерализма в России Б.Н. Чичерин, исходя из недопустимости культивирования настроений социального иждивенчества, при всем уважении к историческим традициям своего Отечества высказывался за разрушение общины. Эта традиция негативного отношения к патриархальному общинному укладу жизни, противопоставления ему мелкобуржуазного, экономически крепкого крестьянства была продолжена в легальном марксизме и трудах идеологов кадетской партии. Уве-

ренность же профессора Томского университета в необходимости использования общинно-трудового начала в процессе гражданского становления русского народа отражала не столько частную позицию, сколько доминировавшее среди местных либералов подчеркнуто бережное отношение к общинным институтам, связанное с представлением о том, что в Сибири община еще далеко не исчерпала своих возможностей и не изжила себя.

В целом же стремление сибирских либералов приобщить россиян к цивилизованному гражданскому обществу путем распространения образования, социального воспитания, формирования правосознания при опоре на традиционные религиозные и нравственные ценности с учетом национальной самобытности является убедительным свидетельством зрелости либеральной культуры заимствования. Их западническая ориентация в самом общем виде не вызывает сомнений. Выход России из «заколдованного круга отсталости» они однозначно связывали с движением «со всеми цивилизованными народами по одному пути культурного прогресса, ... к одному общему идеалу - дать всем людям ... возможность пользоваться благами света культуры, на основах гражданской свободы и равенства». Тем не менее, нет ни малейших оснований для обвинения либералов в «слепом» копировании европейского опыта в России, поскольку они предусматривали адаптацию его элементов к почвенным условиям. И.В. Михайловский подчеркивал: «Вообще надобно с большим уважением и вниманием относиться к урокам истории, к вековым традициям и учреждениям: в них всегда мы откроем элементы истины, несмотря на все уклонения, наслоения, которыми нередко закрыты эти элементы» [7. С. 6].

Не случайно столь значительное внимание в своих работах профессора Томского университета уделяли анализу национального самосознания. Характеристика Н.Я. Новомбергским переходного состояния правосознания русского крестьянства не являлась единственным примером в этом отношении. Живо интересовался особенностями мировосприятия соотечественников и его коллега И.А. Малиновский. Прочитанный им в 1904 г. на заседаниях Томского юридического общества доклад «Вопросы права в сочинениях А.П. Чехова» представлял по сути исследование менталитета российского общества на основе художественных произведений, позволившее дать вполне адекватные, реалистичные оценки умонастроений россиян [2].

Самостоятельность, творческий характер заимствований, с одной стороны, и вера «в силу русского гения», в будущность России, с другой, давали либералам основание не опасаться потери самобытности от этих заимствований и утверждать, что их страна «может смело и бодро глядеть вперед, зная, что ее духовная сила далеко еще не иссякла и что долго еще она может пополнять плеяду звезд, освещающих человечеству путь к лучшему будущему» [10. С. 38]. В этих утверждениях не было оттенка самолюбования, упоения «самостью» Отечества, поскольку они не снимали для либералов ключевой проблемы создания нового, прочного правового порядка. «Да, земля наша действительно велика и обильна, мы богаты и духовными силами, в характере русского народа есть в высокой степени ценные качества, - писал

И.В. Михайловский. - Но пока не будет "порядка", ... пока мы будем все делать только "по душе", будем надеяться на наше универсальное "авось", не поймем всей важности организации и прочного правопорядка, до тех пор все тащися в русском духе сокровища не выведут Россию из состояния государства отсталого, некультурного» [7. С. 6].

Трансформация сознания посредством развития общей культуры россиян должна была стать оплотом против всевозможных правонарушений, посягающих на интересы как отдельной личности, так и всего общества. Именно в этом усматривался либералами смысл проблемы создания социальных гарантий правопорядка.

В целом, сибирский либерализм начала XX в. в поисках оптимального варианта решения задачи сочетания индивидуальной свободы личности и надлежащего общественного порядка оказался вполне традиционным. Создание социальных гарантий правопорядка фактически предполагало формирование гражданского общества, идеалом которого были проникнуты как западно-европейские, так и отечественные либеральные доктрины. Однако, понимая под гражданским обществом общество равных прав и возможностей для всех граждан, сибирские либералы не сводили процесс его формирования к обеспечению законодательным путем совокупности гражданских свобод. Основной акцент в их концепциях был сделан на социальное воспитание, культивирование чувства законности в населении, развитие адекватного гражданскому обществу национального самосознания, то есть, в конечном счете, на развитие культуры в широком смысле этого слова.

Безусловно такое смещение акцентов с проблем правового характера на вопросы морально-этические, связанные с развитием духовной культуры, не было случайностью. В его основе лежало осознание контраста между западно-европейской и российской социокультурной реальностью, понимание того, что последняя, не будучи подвергнута соответствующему воздействию, способна заблокировать любые либеральные начинания. Отсюда то исключительное значение, которое придавалось просвещению населения и воспитанию разумных, зрелых, сознающих свои личные интересы и вместе с тем свою ответственность перед обществом индивидов. Ключевым мотивом либерального просветительства являлось при этом стремление сделать представления о ценности челове-

ской личности, ее праве на свободу самовыражения в рамках общежития имманентными для россиян благодаря глубокому индивидуальному их осмыслению. Подобный подход исключал возможности искусственной трансплантации элементов западно-европейской культуры, бездумного следования определенным общим канонам либеральной идеологии.

Анализ подходов представителей либерально настроенной профессуры Томского университета в начале XX в. к решению проблемы создания гражданского общества, обеспечивающего, с одной стороны, индивидуальную свободу и приоритетное значение личности, а с другой - механизм взаимодействия и согласования частных интересов в рамках общежития, позволяет обозначить некоторые исходные посылки, представляющиеся значимыми и столетие спустя. Исторический опыт убедительно свидетельствует о том, что любые проекты общественного переустройства оказываются непродуктивными при отсутствии их общественной легитимации. В частности, по-видимому, одной из существенных причин кризиса российского либерализма в конце 90-х гг. XX в. послужило явно недостаточное внимание либералов к идеологическому обеспечению реформ. Промонстрировав свою неспособность работать над массовым восприятием либеральных идей, замкнувшись в рамках экономических, реже политических, действий, либералы фактически проиграли «идейную войну» коммунистам, поскольку интерпретацию осуществляемых реформ предоставили своим оппонентам. В результате в очередной раз подтвердилась зависимость результативности общественных преобразований от способности проводящих их политиков к разработке и обоснованию идеологической парадигмы, которая, будучи транслируемой на языке ясных, доступных пониманию широких масс и сочувственно воспринимаемых ими политических, социальных, моральных установок, могла бы стать фактором консолидации общества. При этом особое внимание должно уделяться учету исторических традиций, культурных кодов страны, ее ментальных структур, способных тормозить любые инновации в случае их несоответствия существующим архетипам. А потому при разработке концепции формирования гражданского общества в современной России и попытках ее институционального воплощения основополагающим должен являться принцип соответствия «особому материалу» нашего Отечества, адекватности его цивилизационным основам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капустин Б.Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии//Полис. 1994. № 5.
2. Малиновский И.А. Вопросы права в сочинениях А.П. Чехова: Доклад читанный в заседаниях Томского юридического общества 9 и 10 октября 1904 года. Томск, 1905.
3. Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1.
4. Савиных А.А. Тяжкое наследие/ЛГолос Сибири. 1905. 7 дек.
5. Михайловский И.В. Университет и наука: Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 года студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908.
6. Михайловский И.В. Религия и народное образование. Новониколаевск, 1918.
7. Михайловский И.В. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910.
8. Прокошев П.А. Религиозный кризис на Западе Европы (Модернизм). Томск, 1911.
9. Боголепов М.И. Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907. С. 26.
10. Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство. Б.м., б.г.
11. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып. II. Ч. III.
12. Новомбергский Н.Я. Кафедра истории русского права в российских университетах. Пг., 1915.
13. Новомбергский Н.Я. Волостной суд, преобразованный по закону 2-го июня 1898 года. Практическое руководство. Томск, 1910.

Статья поступила в научную редакцию «История» 21 октября 2002 г.